

НА КАКИЕ УХИЩРЕНИЯ ПОЙДЕТ ПОДСОЗНАНИЕ,
ЧТОБЫ УБЕРЕЧЬ НАС ОТ СМЕРТЕЛЬНОЙ ОПАСНОСТИ?

ФОРТУНАТА
ФОКС

НЕ/БЛИЗКИЕ
ДУШИ

РАССКАЗ-ЗАГАДКА В ЛУЧШИХ ТРАДИЦИЯХ
«ВИЛЬЯМА ВИЛЬСОНА» И «МАЛХОЛЛАНД ДРА

18+

Фортуната Фокс
Не/близкие души
Серия «Мерцающая явь», книга 1

<https://litres.ru/73464337>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я в большой беде, это правда. Но не смотрите на то, во что я превратилась теперь, — узнайте, как все начиналось. Как велика, как неукротима была во мне жажда жизни, пока в нее не вторглась проклятая Разрушительница. Невообразимо как, неизвестно зачем, но она едва не погубила меня. Вот только я не из тех, кто привык сдаваться. С отвагой, которую мог вселить в меня лишь сам Сатана, я ринулась в бой — не на жизнь, а на смерть!

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Не/близкие души

Глава

Однако в моем духовном развитии ранней поры было, по-видимому, что-то необычное, что-то ourte¹.

Эдгар По

«Вильям Вильсон»

Сколько себя помню, всеми помыслами моими и поступками руководила одержимая, пылающая необузданным огнем жажда жизни. О да! Сколько я себя помню... Насколько моя ненадежная, хрупкая, а порою вовсе ускользающая память позволяет мне это.

Мои воспоминания всегда непредсказуемы. Они являются невесть откуда, пробуждая, волнуя, мучая мой разум. Иногда они похожи на лучики утреннего солнца – мягкие, ласкающие. Иногда на вспышки молний – пугающие, пронзительные. Иногда они рассыпаются, как осколки битого стекла. Сверкающие, острые и прозрачные...

А после все превращается в неясные блики, которые бесследно таят. Тогда нить с реальностью обрывается. Теряется

¹ Преувеличенное (с франц.)

связь времен. Я снова не в силах понять, где нахожусь и что есть мое настоящее. Одно отчетливо осознаю постоянно – я не такая, как все. Я одна-единственная. Так суждено. Так должно быть всегда!

Инга Соколова поднималась по начищенным ступенькам элитной клиники. Одной из тех, где уютные диванчики и пальмы в кашпо делают коридоры похожими на холлы курортных отелей, палаты скорее напоминают гостиничные люксы, а медперсонал всегда ласков и внимателен. Она шагала бодрой утренней походкой. Поверх элегантного серо-зеленого платья традиционный белый халат, в руках – увесистая папка документов.

Она каждый раз старалась подниматься пешком. Во-первых, еще один способ поддерживать себя в отличной форме, во-вторых, несколько лишних минут для размышлений. А сегодня они были необходимы, как никогда. Ровно в девять ей предстояла очередная интеллектуальная схватка с главой клиники – профессором Эльфманом. В силу своего консерватизма он был неизменно скептически настроен к смелым теориям молодых сотрудников. Инга живо представляла, как благородное лицо пожилого доктора изобразит изумление, возмущение, а возможно, и гнев.

Настроение было взволнованным, но нервничать она себе не позволяла. Как, впрочем, и всегда. Дисциплина, самообладание, безупречные манеры и ровное дыхание – вот ос-

новные составляющие успеха. Те самые, благодаря которым в свои двадцать семь эта стройная утонченно-привлекательная выпускница одного из самых престижных европейских вузов успела защитить кандидатскую и занимала в данном учреждении перспективную научную должность.

На лестничной площадке, возле родильного отделения, Ингу едва не сбил с ног молодой коренастый мужчина с покрасневшими щеками и возбужденной улыбкой.

– Ох, доктор, мои извинения! Прошу простить...

– Не беспокойтесь, все со мной в порядке, Дмитрий. Как ваши дела?

– Свершилось!!! Вы представляете, я стал отцом! Вот уже... – он глянул на свой «Роллекс», – пятнадцать, нет, уже шестнадцать минут как появился на свет мой Дмитрий Дмитрич!

– Великолепная новость! От всей души примите поздравления, – из-за укоренившейся привычки держать эмоции на коротком поводке улыбки Соколовой казались дежурными. На самом же деле она искренне радовалась рождению каждого здоровенького младенца. Да и могло ли быть иначе? Тем более, что в их клинике рождались непростые детки – все они были результатом экстракорпорального оплодотворения. Долгожданное чудо для почти отчаявшихся родителей.

– Секундочку, Инга Юрьевна, – Дмитрий запустил руку в большой шуршащий пакет и вытащил коробку конфет. –

Это вам!

Она смотрела на него удивленно.

– Что это вы придумали? Я-то при чем? Я всего лишь провожу исследования. Подарить следует акушере.

– Берите, берите! Вы были так внимательны к супруге. Мы вам очень благодарны за все. И акушерку, само собой, я не обижу. Только, знаете, – молодой папаша доверительно понизил голос, – это коллекционный бельгийский шоколад. Горький, со всякими разными добавками, и с имбирем, и с марципаном, даже с перцем чили есть. Его лучше подарить тому, кто разбирается.

– Вот оно что! – Инга насмешливо рассмеялась. – Неужели у меня на лбу написано, что я окончила курсы шоколатье?

Дмитрий не сводил с нее счастливых глаз, чуть глуповато улыбаясь.

– Уверен, – сказал он, – вы тонкий знаток во всем.

– Рада, что произвожу такое впечатление.

Роскошный глянец бельгийской коробки маняще отливала розовым золотом. Поблагодарив кивком головы, Инга пристроила подарок поверх своей папки и пошагала дальше, вверх по ступенькам. Лицо ее светилось. Чудесное начало дня!

Возле приемной Инга встретила лаборанта Мишу.

– Доброе утро, Инга Юрьевна! – улыбнулся ей высокий крепкий симпатяга. Будучи младше ее на каких-нибудь пару лет, он не просто соблюдал должностную субординацию, но

всегда был особенно уважителен и на удивление застенчив.

– Здравствуй, Миша! Смотри, что у нас есть к чаепитию! – весело подмигнув, она передала ему конфеты и заглянула в приемную.

Место секретаря пустовало. Наручные золотые часики показывали ровно девять.

– Профессор у себя, – уловив ее замешательство, сообщил Миша. – Ни пуха вам!

– Спасибо... то есть к черту! – отозвалась Инга. Затем дважды стукнула кулачком в массивную дверь красного дерева и, услышав в ответ ободряющее «да-да», шагнула внутрь.

Просторный кабинет Генриха Львовича купался в лучах яркого солнца и аромате свежесваренного кофе.

– Ах, вот и вы, моя дорогая! Пунктуальны и стремительны, как всегда! Прошу! – глава клиники приветствовал ее, сидя за рабочим столом, рядом с которым поблескивал сервировочный столик на колесиках.

Свой рабочий день Эльфман по обыкновению начинал с кофейной церемонии. Аппетитно шамкнув булочкой с маком, он жестом пригласил посетительницу присесть. Генриетта Львовна сидела в кресле напротив. Заботливой рукою подливала в фарфоровую чашечку с кофе молоко из серебряного молочника. Его секретарша, кулинарка, неизменная соратница и компаньонка, она всегда была рядом. С самого рождения, поскольку доводилась сестрой-близняшкой.

Инга всякий раз дивилась, с какой нежностью эти двое неразлучников смотрят друг на друга. И всякий раз испытывала неловкость, нарушая их идиллию. Так было и сейчас. Генриетта Львовна неохотно поставила на столик третью чашечку, обретая при этом свой обычный деловито-надменный вид. Кофе для Инги она наливала уже с окаменевшим лицом.

– Ну-с, чем порадует меня самая любимая ученица? – потирая ладони, лукаво улыбнулся профессор.

– И самая настырная, – не без издевки вставила его сестра. Оба расхохотались с ребяческой непосредственностью, будто и впрямь было над чем.

Дабы поддержать общее настроение, Инга вежливо улыбалась. Папка с файлами уже лежала на профессорском столе. Соколовой оставалось лишь терпеливо дожидаться окончания веселой трапезы, чтобы завладеть драгоценным вниманием Эльфмана. Но едва она приняла дымящуюся чашечку из ухоженных рук Генриетты, в кабинет ворвалась запыхавшаяся медсестра.

– Генрих Львович, простите, но у Полянской начались схватки! Ее уже доставили в операционную, вот-вот родит...

– Дьявольщина!!! – вскричал профессор, вскакивая из-за стола. – Операция ведь назначена только через неделю!.. Вот уж кто самый настырный на свете! С ее-то здоровьем...

– В ее-то годы... – поддержала сестра.

– ...вынашивать двойню! – завершил брат. – Ведь предлагал же ей прибегнуть к суррогатному материнству!

– Имея все возможности...

– Еще бы! Супруга нефтяного магната!

– Такая сложная беременность...

– Ох! Ну, будем молиться, чтобы все прошло благополучно...

Все трое – профессор, секретарша и медсестра – в тревожной спешке покинули кабинет.

Побелевшая как мел Инга на ватных ногах следовала за ними.

– Вчера добрых полчаса осматривал ее, беседовали, – разносились по коридору восклицания профессора. – Все было прекрасно...

– Нет, доктор, не все, – тихо проговорила Инга, глядя вслед удаляющимся силуэтам.

Сердце холодило дурное предчувствие.

На белом халате чернели брызги расплескавшегося кофе, к которому она так и не притронулась.

– Что стряслось? – обеспокоился Миша, будто нарочно дежуривший у приемной. – Не огорчайтесь, профессор обязательно примет вас позже...

– Нужно сменить халат, – машинально заметила она. Кажалось, еще чуть-чуть, и молодая женщина грохнется в обморок.

– Инга Юрьевна, вы к себе? Давайте я провожу...

В кабинете он отпаивал ее крепким черным чаем. Она

по-детски баловалась бельгийскими конфетками, надкусывая то одну, то другую. Она все еще пребывала в оцепенении.

– Господи, нужно же сообщить Полянскому, – наконец, спохватилась Инга.

– Вы хорошо знакомы с их семьей? – спросил Миша, как только она повесила трубку после короткого информативного звонка.

– Да. Уже много лет, – ответила Соколова. – Нина Даниловна и Владимир Валерьевич мне как родные. Их дочка... их покойная дочка Майя была моей лучшей подругой.

Лаборант понимающе кивнул. Ему было интересно все, о чем бы она ни рассказывала.

Порывшись в ящике стола, Инга извлекла фото в застекленной рамке. Две смеющиеся девчонки в дорогой школьной форме: синие пиджачки, галстуки в красно-белую полосу, юбки-шотландки. Обнявшись, они стояли на фоне, удивительно напоминающем Царицынский дворцово-парковый ансамбль. Неужто бывают такие школы?

– А вы совсем не изменились, – улыбнулся Миша.

Она улыбнулась в ответ. Она знала, что это вовсе не лесть. Спустя двенадцать лет у нее все та же стройная фигурка и точеный овал лица. Разве что густые лохотенные волосы теперь уложены в более строгую прическу. Разве что взгляд умных карих глаз стал более твердым, жестким.

– А это она? Майя Полянская?

– Да, Миш.

– Тоже очень красивая... была.

– И очень добрая, жизнерадостная... необыкновенная! И навсегда осталась юной. Ужасный несчастный случай.

Постепенно Инга погрузилась в светлые воспоминания о подруге, о совместных годах, проведенных в пансионе. В глазах ее при этом периодически посверкивали слезинки. Но ни разу она не позволила им преодолеть барьер тщательно покрашенных ресничек.

Миша трепетно любовался ею.

Такая красивая. Такая строгая. Единственная дочь богатых родителей. Да и сама уже состоявшаяся, успешная...

Интересно, куда можно пригласить такую девушку?

Их тет-а-тет был грубо прерван вторжением взволнованного мужчины в статусном костюме.

– Владимир Валерьевич! Как вы быстро добрались...

– Примчался, как только смог.

– Все будет хорошо, поверьте! Нина Даниловна в самых надежных руках.

При взгляде на Полянского глаза Инги загорелись слишком уж радостно. А их рукопожатие Михаил нашел излишне теплым и продолжительным. К тому же его неприятно поразили моложавость и обаяние магната. Помрачневший, он незаметно покинул кабинет.

Секундой позже из-за двери донесся звонкий и очень нежный смех Инги. Миша слышал его нечасто. При нем она, как

правило, сохраняла серьезность. Ей вторил бархатный и тоже, как ему показалось, нежный смех мужчины.

Раздосадованный лаборант стремительно пошагал прочь от неприятного веселья.

Нужно возвращаться к работе, а не мечтать о всяких глупостях.

Что вы знаете о жизнелюбии, мой дорогой доктор? Возможно, вы любите жизнь больше ее смысла, и ваше телесно-душевно-духовное цените превыше любых земных благ, в чем я, конечно же, весьма сомневаюсь.

Но допустим, допустим... Времени, как я понимаю, у нас немного. А потому окажите любезность, не перебивайте меня. Я же, в свою очередь, постараюсь быть предельно лаконичной.

Я в большой беде, это правда. Но не смотрите на то, во что я превратилась теперь, – узнайте, как все начиналось. Узнайте, как велика, как неукротима была во мне жажда жизни! И как неразделимо эта жажда была спаяна еще с одной – жаждой лидерства.

Быть Живой всегда означало для меня быть Первой. Сколько себя помню, я с нестерпимым рвением стремилась преуспеть абсолютно во всем, бесконечно утверждаясь в собственном лидерстве.

Что ж в том особенного, спросите вы? Разве можно усмотреть в подобном стремлении что-либо удивительное для ран-

ней юности? Ведь и большинство моих сверстников обладало такими же амбициями. Пансион, где протекали наши старшие школьные годы, являл собою заведение столь респектабельное, что иначе в нем просто было не выжить. Здесь обучались девушки и юноши из семей самых влиятельных богачей. Огромных размеров кампус с теннисными кортами и бассейнами. Великолепная парковая зона с лужайками, клумбами и прудами. Все утопало в сочной зелени, благоухало ароматами цветов и растений.

Жилой корпус представлял собой величественное серо-голубое здание с колоннами и высокими острыми башенками. Эта новехоньякая постройка являлась вольной стилизацией под дворец времен Екатерины Великой. От грозной изысканности русской неоготики захватывало дух.

Свою комнату на последнем, самом привилегированном, четвертом этаже я делила с двумя подругами. Все трое мы были единственными у своих родителей. Как и большинство из нас.

Царство Маленьких Наследников!

Обитель, где избранные детки изначально равны друг другу. Тем головокружительнее была затея стать первой среди лучших. Пылкая, исполненная азарта, я действительно всегда оказывалась на шаг впереди. Это давалось мне настолько легко, что подчас становилось пресно. Наши строгие высококвалифицированные педагоги трепетали от одного звука моей фамилии. Они предпочитали умиляться проказам,

а не отчитывать за них. Да и возможно ли отчитывать за какие-то шалости первую ученицу, гордость школы, любимицу директора? Старейший, но еще не утративший лоска, он буквально боготворил меня. А я не упускала случая подразнить его легким флиртом.

Балованное дитя, играючи отбивающее ухажеров у самых обольстительных красавиц! Юные мажоры были у моих ног, без перебоя приглашали на свидания. Тем временем как отвергнутые ими дочери банкиров и дипломатов вместо того, чтобы возненавидеть удачливую соперницу, отчаянно добивались моей дружбы. Их симпатия ко мне была сильнее уязвленного самолюбия. Причиной тому, надо полагать, являлось всё то же неукротимое, вулканическое жизнелюбие. Именно оно сформировало мое мироощущение, наделив нрав и манеры беспощадной харизмой. Вот почему дружить со мной было не только престижно, но и по-настоящему интересно.

О, райские годы волшебного отрочества! Утро жизни! Веселые школьные вечеринки с почти безалкогольными коктейлями, спонтанные вылазки в ресторанчики близлежащих городков. Вопиющее великолепие пансионских интерьеров и сказочные красоты горного ландшафта. Залитые солнцем изумрудные луга и искрящаяся гладь кристальных озер. Жажда жизни! Полнота жизни! И твердая уверенность, что каждый новый день будет прекраснее предыдущего...

Но скажите, любезный доктор, довольно ли всего этого

для юной девушки, чью душу, помимо жажды жизни и первенства, неизбежно переполняют романтические мечтания? Для девочки, чья кровь с наступлением очередной весны бурлит, как гейзер, а тело начинает просыпаться навстречу грядущим удовольствиям...

Пришел день, и моя жизнь, исполненная эйфорией в той же мере, что однообразием, вспыхнула и заиграла всеми цветами радуги. В ней возникло Чувство. Чарующее, непостижимое, однажды оно заполнило собой весь мой мир. С той поры волнующее биение сердца не прекращалось ни на уроках, ни во время прогулок. После очередной бессонной ночи я выпрыгивала из постели, переполненная грезами, одурманенная предвкушением счастья.

Чувство, которому я долго не осмеливалась дать название, предстало в виде красивого загадочного мальчика по имени Артур. В отличие от большинства соучеников, он не искал моего расположения. Я сама была вынуждена завоевывать его внимание.

Эта роль такая новая, непривычная ничуть меня не смущала, скорее, была любопытна. Будучи бесконечно уверенной в себе, я не упускала возможности завязать с ним беседу. Смело приглашала танцевать на субботних дискотеках. Сама звала прогуляться по парку, посидеть в изящных беседках, оббитых вечнозеленым кустарником.

Он же держался независимо. С необычайным для пятнадцатилетнего возраста достоинством. Щеголял манерами ан-

глийского лорда. Поначалу казалось, что лишь безукоризненная воспитанность не позволяет ему уклоняться от моих приглашений.

Но минуло несколько волнительно-сладких недель, и даже этот гордый юноша пал пред моими чарами. Неиссякаемый фонтан жизнелюбия покори́л и его. Так начался самый чудесный, неправдоподобно прекрасный роман, о котором лишь можно мечтать. Нежные ухаживания, тайные свидания, первые робкие прикосновения и поцелуи...

Наконец, оба мы оказались готовы познать таинство любви.

Среди здешней золотой молодежи царили свободные нравы. Подобно многим другим парочкам, мы запирались в пустующих классных комнатах, уединялись на чердаках либо же за щедрое вознаграждение арендовали комнатушки у местного шофера и кухарки.

Главное, что я и Артур стали парой! Самой красивой, самой завидной парой пансиона. От блаженства я теряла голову. Лишь одно омрачало мое счастье. В отличие от меня, всецело поглощенной любовными восторгами, в моем загадочном возлюбленном все еще проскальзывали остатки прежней гордой независимости.

Уже многие месяцы мы были неразлучны, а он продолжал молчать о своих чувствах. Даже когда, вся горящая, я отдавалась ему (прошу извинения за столь деликатные подробности), он не произносил слов любви. Поначалу это вызыва-

ло лишь недоумение. Затем – раздражение, в конечном счете перерастающее в негодование.

Будучи не менее горда и, пожалуй, куда более тщеславна, чем мой избранник, видимости самообладания я не теряла. Как, впрочем, и надежды однажды услышать долгожданное признание.

И это бы случилось. О, наверняка, наверняка случилось бы, говорила я себе, и говорю теперь вам! Если б только вскоре на мою Судьбу не упала зловещая тень.

В выпускном классе появилась проклятая чужачка...

И все пошло наперекосяк.

Никогда не забыть мне нашей первой встречи. Еще бы, ведь она едва не стоила мне жизни!

В тот макабрический день я беззаботно плавала в крытом бассейне. Должна признаться, я не очень активный пловец. Для меня это скорее отдых, нежели спорт. Особенно мне нравится лечь на спину и, ощущая под собой ласковую пружину воды, предаваться мечтам либо приятным воспоминаниям. Замечтавшись, я не заметила, как все уже разошлись, и впала в легкую полудрему. Вдруг что-то с силой ударило об воду, создав высокую волну, которая перевернула меня, накрыв с головой. От неожиданности я резко пошла ко дну, наглоталась воды и еле-еле сумела вынырнуть.

Отчаянно барахтаясь, я разглядела сквозь брызги силуэт неизвестной пловчихи. Очевидно, она только что прыгнула с трамплина, не удосужившись предупредить, предостеречь

меня.

Что за наглейшая дерзость!

Активно гребя руками, она отплыла на приличное расстояние и только потом обернулась. Оглядев меня с сочувственной усмешкой, просто сказала: «Sorry!» – и поплыла дальше.

Это был ошеломительный удар и одновременно озарение. Поскольку в тот самый миг мне открылся весь ужас необратимой беды, что повлечет за собой ее вторжение. Так как я твердо убеждена, что в этот мир, в этот пансион и непосредственно в мою жизнь явилась она исключительно с разрушительной миссией, называть отныне стану ее Разрушительницей.

Вам интересно знать, как выглядела э

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.